

Сергей Ост

И был вечер,
и было утро

18+

Сергей Ост

И был вечер, и было утро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70280383

SelfPub; 2024

Аннотация

Если ты сын диктатора небольшой страны, ты можешь жить припеваючи, ни в чём себе не отказывая. И, конечно же, тебя трудно чем-то удивить. Но, проснувшись однажды утром, Карлос Брухо получает от отца неожиданный сюрприз, к которому оказывается не готов.

Сергей Ост

И был вечер, и было утро

Карлос Брухо любил нежиться в тишине и прохладе до тех пор, пока позыв к мочеиспусканию не станет нестерпимым. Как обожаемый единственный сын диктатора Никадагуа, полковника Хуана Брухо, он мог себе позволить вещи куда менее невинные, чем поздний подъём. Но в это утро ему пришлось встать гораздо, гораздо раньше, чем обычно.

– Дон Карлос. Ваш отец просит вас прибыть к нему в его особый кабинет.

Карлос Брухо разлепил одно веко и сфокусировал зрачок на посетителе. Обычно коммуникацию с отцом обеспечивала «сестра Химена», так звали женщину неопределенного возраста, возглавлявшую штат охраны дворца. Иногда мог являться Мигель Санчес, кто-то вроде доверенного поручителя, министр всего, как его в шутку называла обслуга. Его появление означало, что отец в очередной раз попытается вовлечь отпрыска в государственные дела. Но сегодня явился Сантьяго, тёмная лошадка, человек по особым поручениям. По правде сказать, Карлос Брухо не слишком хорошо себе представлял род занятий этого человека. Некоторые утверждали что он – правая рука диктатора, серый кардинал, который подсказывает тому самые важные решения. Несмотря на молву, он не стеснялся быть набожным публич-

но; говорили даже, что он выходец из иезуитов.

Карлос Брухо неохотно поднялся на локтях, потом сел и размял плечи. Головной боли и тошноты не было – качественные абсорбенты, принятые на ночь, отлично убирали следы алкогольной или иной интоксикации. Но мир всё же воспринимался мутно, сквозь пелену тревоги. Было что-то странное в этом утре. Тишина. Дворец был пуст, это было очевидно, потому что ни на кухне, ни в саду никто не возился, не было слышно голосов горничных. Из окна в комнату проникал только приглушённый хор насекомых.

– Сеньор Сантьяго... Я подойду к нему позже. Мне нужно привести себя в порядок.

– Я подожду здесь.

– В этом нет необходимости.

– Я вынужден настоять. Просьба главы нашего государства слишком срочная, и он просил меня сопроводить вас.

Карлос Брухо почувствовал холодную судорогу в кишках. Переворот? Восстание? Быть может, он уже заложник, и от подвала или стенки его отделяет несколько минут?

– Я хочу поговорить с ним лично, – проговорил Карлос Брухо довольно твёрдо. – В чём срочность? Никадагуа в состоянии войны с соседями?

Лицо Сантьяго тронула быстрая улыбка.

– Мы всегда в состоянии войны. Как вам угодно, дон Карлос. Подать трубку?

– Не затрудняйте себя, я справлюсь.

Карлос Брухо нажал единственную клавишу на зелёной как лайм трубке, и после пары гудков услышал дыхание отца.

– Папа?

– Карлос. Постарайся быть при параде. Нам предстоит важная и торжественная беседа. Никаких джинсов, ладно?

– Ладно.

– Жду тебя как можно скорее.

Карлос Брухо положил трубку. В голосе отца не было тревоги. Было что-то другое, какая-то онтологическая печаль. Когда диктатору надоедают женщины, казни и прочие доступные смертному человеку наслаждения, он часто становится философом и начинает думать о том, как сделать мир лучше. Надо поспешить, в таком настроении он часто бывает гневлив.

– Сеньор Сантьяго, а это правда, что вы иезуит? – одеваюсь, спросил Карлос Брухо ради скуки.

– Я был им когда-то. Теперь я рука бога, – без тени сарказма ответил Сантьяго.

И верно, дворец был почти пуст. Только на нескольких постах находилась охрана в парадной форме. Это было странно, и объяснить происходящее можно было только очередным чудачеством стареющего Хуана Брухо. Возможно, он решил объявить сегодня общенациональный пост. Или проводит очередную чистку окружения, убирая настоящих или мнимых предателей, заговорщиков и агентов разведок. Рань-

ше, когда мать была жива, он реже позволял себе такие выходы. Но её благоразумие и здоровье однажды иссякли, и её не стало. Карлос Брухо не хотел верить, что Мериду, в девичестве Гонсалес, дочь влиятельного землевладельца, который и дал в своё время деньги на переворот устроенный отцом, мог убить сам Хуан Брухо. Она понимала, как всё устроено, и не читала мужу морали, не устраивала сцен, просто говорила правду там, где остальные только льстили и соглашались, и не позволяла по отношению к себе поступков, которые она считала по-настоящему унижительными. У неё не было постоянных соперниц, у него не было других мотивов. Если ей и помогли отправиться на тот свет, то за этим стоял не отец, а кто-то из тех, кому она мешала бороться за влияние на него.

В особом кабинете царила полутьма. Портьеры были опущены, свет падал только на шахматный столик между кресел, занимавший южный угол кабинета. Желтый деревянный паркет, зелёный декор потолка, занимающие своё место бильярд, библиотека, письменный стол – всё было приведено в порядок, словно отец ждал в гости европейских послов, но послов не было. Были только тележки с подносами, на которых лежали фрукты и закуски, стояли вино и вода.

– Я приглашу вас позже, Сантьяго. Пока можете заняться моим поручением.

Серый кардинал отвесил кивок-поклон и исчез за дверью. Хуан Брухо кивнул единственному охраннику и тот также

переместился на позицию снаружи. Отец и сын остались одни.

Карлос Брухо, страдая от недосыпа и нервного ожидания, поплёлся к креслу и хотел в него рухнуть, но отец перехватил его по дороге и приобнял за плечи. Вместо привычного в последнее время халата на нём сидел парадный мундир полковника, украшенный теми немногочисленными наградами, которых он удостоился на военной службе ещё до того дня, как решил взвалить ответственность за судьбу Никадагуа и его народа на свои плечи.

– Что случилось, папа? Я слышал, на нас собираются напасть, или что-то в этом роде?

Хуан Брухо скорбно поджал губы, затем покачал головой, рассмеялся с сардоническим оттенком и воздел взгляд вверх, изучая декор. Карлос Брухо проследил за направлением его взгляда и понял, что отец смотрит в фокус объектива одной из десятков установленных во дворце камер слежения.

– Это невозможно, сын. Ты же сам знаешь.

– Да, знаю. К счастью невозможно. Но раньше такое случалось.

– К счастью? – густые брови с длинными, как вибриссы, седыми волосками взлетели вверх. – Прелесть допаритетной эпохи была в том, что нахала и обидчика можно было наказать. Да, можно было проиграть, потерять людей, и иногда даже власть. Но зато был азарт, было настоящее воинское мужское счастье, когда ты на танках въезжаешь в столи-

цу какого-нибудь демократически избранного Хосе Лопеса и вздёргиваешь его на ступенях парламента перед ликующей толпой его же бывших сторонников. Теперь это в прошлом, да. Мы живём в позорную эпоху компромиссов и трусости, когда даже Штаты не могут с нами ничего поделаться.

– Но разве это плохо, папа? – осторожно поинтересовался Карлос Брухо. – Разве не здорово, что они оставили нас в покое?

Хуан Брухо подошёл к шахматному столику, на котором была расставлена запутанная композиция, и небрежным движением перевернул столик.

– Знаешь, что вчера они написали про меня в своих лживых таблоидах? – едко спросил он. – Что я отравил мою обожаемую Мериду, твою мать, ради того чтобы не стесняясь развлекаться с молодыми гвардейцами из моего личного батальона.

Карлос Брухо мучительно искал, как вернуть отцу менее мрачное расположение духа.

– Этому всё равно никто не поверит. Ни у них, ни у нас. Зато вспомни, как мы припечатали их престарелого дряхлого президентишку, который наложил в штаны на официальном приёме?

Диктатор криво ухмыльнулся.

– И что с того? Ты находишь забавным, что с наступлением паритетной эпохи все стали одинаково неприкосновенны? Даже Ватикан или какой-нибудь вшивый островок в Ти-

хом океане обзавелись метаэрядами и транспространственными средствами их доставки. И не только они, но и хозяева многих корпораций, лидеры закрытых сект и даже, прости Господь, звёзды шоу-бизнеса!

Карлос Брухо не знал, что ответить, в чём честно и признался.

– Какого ответа ты ждёшь от меня, папа? Я не разбираюсь во всей этой политической кухне. Она никогда меня не интересовала.

– Зато я знаю, что тебя интересовало, – внезапно повысил голос Хуан Брухо. – И интересуется. Дозы становятся всё больше, и доктор Хорхе переживает, что однажды не сможет привести тебя в чувство.

– Ты снова об этом! – запротестовал Карлос Брухо. – Я давно завязал, и ты прекрасно это знаешь! Твои ищейки и камеры вездесущи! От них не спрятаться даже в сортире.

– Ну, тебе же это как-то удаётся, – пожал плечами полковник Хуан Брухо. – В анализах твоей мочи, по словам доктора Хорхе...

Карлос Брухо издал стон отчаяния, развернулся и пошёл к выходу. В дверях тут же возник гвардеец охраны.

– Па, ты серьёзно? Мне двадцать четыре и я взрослый мужчина!

– Во-первых, я тебя пока не отпускаю, – примирительным тоном сказал диктатор. – А во-вторых, да, ты взрослый мужчина, и от тебя я жду адекватного поведения.

– Что я должен сделать? – спросил Карлос Брухо, возвращаясь и плюхаясь в кресло у подноса с едой. В рот отправился кусок сыра и несколько виноградин. Карлос Брухо с сомнением посмотрел на вино, но налил себе воду. – Хочешь, чтобы я снова пару часов сидел на этих скучных дипломатических приёмах с твоими дружками из «клуба диктаторов», как их называют в левой прессе?

Хуан Брухо прошелся по кабинету взад-вперёд, скрестив руки на груди. Потом поднял столик, подобрал несколько разбросанных шахматных фигур, и расставил их на случайные клетки.

– Постараться понять и принять с достоинством решение, которое я принял. Вот на какую малость я рассчитываю.

Карлос Брухо только развёл руками, уплетая закуски. Его жест как бы говорил, что ничего другого ему никогда и не оставалось.

– Обещаю, – сказал он с набитым ртом. – Всё что пожелаешь. Только поскорее. У меня на сегодня обширные планы.

Хуан Брухо снова прошёлся по кабинету, обстоятельно разглядывая картины и статуэтки, томики книг, когда-то показавшихся ему важными. Потом стал напротив панорамного окна, выходящего в сад, и сладко потянулся. Свет лился между портьер на его грудь в орденах.

Карлос Брухо помнил, что стекло пуленепробиваемое и снайпер вряд ли сможет занять позицию, с которой возможно попытаться устранить диктатора. Тем не менее, ре-

флектормно всегда сжимался внутри, словно ожидая, что отец вдруг повалится наземь с пробитой грудью. Быть может, подсознательно ему этого хотелось? Он не пытался заходить так далеко в своих мыслях, как не пытался и примерять на себя роль отца. Показушная любовь и преданность окружающих никогда не обманывала его – быть может, потому что он не отправлял на тот свет своих приятелей или просто собеседников из-за любого намёка на нелояльность. И поэтому получал хотя бы отчасти адекватное представление, как обстоят дела в Никадагуа. Отцу же приходилось полагаться только на сводки спецслужб, которые аккуратно ложились к нему на стол. И сколько в докладе было правды, зависело от того, как давно расстреляли прежнего сотрудника, подававшего доклады.

– Какое сегодня славное утро, – проникновенно проговорил Хуан Брухо. – Но ты прав. Тянуть нечего. Я уважаю твоё обещание. Возможно, ты не всегда это замечал, но я любил тебя и хотел, чтобы ты был достоин меня.

– Спасибо, отец, – сказал Карлос Брухо. – Но к чему столько пафоса? Ты собираешься уйти и назначить выборы? Хочешь дать мне пост в правительстве?

Хуан Брухо оторвался от вида за окном, подошёл к письменному столу и нажал кнопку вызова. Потом вернулся за шахматный столик, и наконец, сел напротив сына.

– Помнишь, как это было? Когда ИИ-бот «Умник-зеро» сгенерировал формулу глобанита и выдал её в открытый до-

ступ? Никогда не забуду эти двое суток, пока продолжалось триумфальное шествие формулы по планете.

– Смутно, – признался Карлос Брухо. – Сколько мне тогда было, лет тринадцать?

– Четырнадцать, – уточнил Хуан Брухо. – Штаты тогда пытались что-то предпринять, как-то вычистить формулу из сети. Но было поздно. Её получили все заинтересованные страны. А с учётом того, что произвести количество метазарядов, достаточное для гарантированного уничтожения любого противника, можно было в считанные дни, и, считай, на коленке, все конфликты сами собой прекратились. Потому что технология транспространственного заброса, которую выкрали хакеры из базы данных Пентагона, на тот момент уже также была доступна всякому желающему.

– Вспомнил, да! Они тогда развернули свой авианосец, и на всех парах драпали подальше от наших территориальных вод.

– Точно, – с улыбкой кивнул Хуан Брухо. – Это случилось после того, как я написал на своей странице в соцсети, что если радары засекут включение прицела транспространственного заброса, который направлен на нашу территорию, мы немедленно активируем ответный заброс. Мне кажется, последний вооруженный конфликт заморозили через неделю после того инцидента. Во всём мире наступил полный паритет, и крошечная страна, имени которой никто не помнил, военной мощью стала ничем не уступать многомилли-

ардным экономикам. Государствам осталось только переругиваться между собой на расстоянии.

– Нам это сыграло на руку тогда, – сказал Карлос Брухо. – Теперь никому и в голову не придёт устраивать у нас цветную революцию или играть мускулами возле границы.

– Проблема в том, – сказал Хуан Брухо, – что это справедливо и в обратную сторону. И теперь я ничего не могу поделать с тем, что они глумятся над моей честью и добрым именем. Раньше в ответ на это я мог закрыть глаза на трафик зелья, которое доставляли через нашу территорию. Или шантажировать их тем, что передам партию оружия какой-нибудь группировке, которая вызывает у них изжогу. Сегодня эти прекрасно работавшие инструменты бесполезны. Были, конечно, горячие головы, которые попытались решить свои разногласия по старинке. Но я думаю, воронки, полные золы, чадающие на месте их столиц, ещё не скоро станут пригодными для обитания. Поэтому никто больше не рискует. Конец истории, скука и уныние, а уныние, как известно, смертный грех.

– Я всё-таки не могу понять, к чему ты ведёшь, папа, – сказал Карлос Брухо.

В этот момент в кабинет явился сеньор Сантьяго, в чёрной рясе, перетянутой поясом, похожим на верёвку, в капюшоне, накинутом сверху на его бритый череп, с подносом, на котором лежал тонкий белый планшет и какие-то серебристые полусферы, которые Карлос Брухо вначале принял за пече-

нье в фольге. Сеньор Сантьяго почтительно опустил поднос перед Хуаном Брухо и отошёл в сторону.

– Садись с нами, старый друг, – пригласил его диктатор. – Ты не посторонний.

– За шахматным столом место только для двоих, – улыбнулся сеньор Сантьяго, но, несмотря на собственное возражение, сел, отодвинувшись, чуть поодаль.

– Это верно, – сказал Хуан Брухо. – Но если философски рассудить, то игрок всегда один – Господь. А мы лишь рука, которая переставляет фигуры.

Сеньор Сантьяго одобрительно похлопал в ладоши.

– Сын, – посерьёзnel Хуан Брухо. – Скажи мне откровенно. Не пытаюсь угодить или досадить. Ты думал о том, чтобы занять моё место? Я не в том смысле, чтобы свергнуть меня, – поправился он. – А в том, чтобы продолжить моё дело, когда я уйду?

Карлос Брухо долго искал подвох в словах отца, но не смог его обнаружить.

– Иногда я думал о том, что мне делать, когда... если это случится. И я не знаю. Мне кажется, я не гожусь для этой роли, папа. Во мне нет нужных качеств.

Хуан Брухо молчал.

– Я же говорил, – сказал сеньор Сантьяго.

Диктатор сокрушённо покачал головой:

– Да, ты говорил. Да я и сам прекрасно понимаю.

– Ты расстроен, отец?

– Я? Расстроен? Но уж точно не из-за этого. Ты весь в мать, мягкий, погружённый в себя. Я никогда не думал всерьёз передать тебе пост. Ради твоего же блага. Для того чтобы управлять страной нужны такие люди, как я или Сантьяго. А таких как ты, на следующее же утро после присяги на библии удавят в постели, – скорбно подытожил Хуан Брухо.

– Я знал, что ты в меня не веришь, – горько проговорил Карлос Брухо. – Поэтому не чувствую себя уязвлённым или разочарованным. Но что это значит? Чего ты хочешь, отец?

– Я хочу, чтобы меня уважали, – нижняя губа диктатора затряслась, и вибриссы из бровей зашевелились, словно хотели выкорчевать себя, выпрыгнуть и затеряться в извилинах паркета. Тебя скверно заставляли учиться, знаю. Классику ты не читал, тем более переводы. В ту пору, когда Никадагуа ещё была зависима от Испанской короны, русский поэт как-то написал строки, которые не идут у меня из головы. «Он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог». Я хочу, чтобы ни одна мерзкая шавка из этой клоаки извращенцев и леваков не могла безнаказанно писать про меня гнусности. Ни одна!

– Ты достойный человек, отец, – сказал Карлос Брухо. – Ты не повинен ни в чём из тех напраслин, которые на тебя возводят. Всё что ты делал, было продиктовано защитой интересов республики, а не твоими личными мотивами. Я знаю это. Народ знает это и уважает тебя, несмотря на то, что твоё правление не назовёшь мягким.

– Я надоел им, – запротестовал диктатор. – Они хотят кого угодно, ничтожного или в сто раз более жестокого, чем я, лишь бы в новостях им показывали другую, новую голову. И вопрос времени, как и когда это желание сбудется.

– Этому не бывать, – убеждённо сказал Карлос Брухо. – Никогда.

– Ты прав, – согласился Хуан Брухо и выпрямился так, что все плашки орденов на его мундире затрепетали. – У меня были сомнения только из-за тебя. Но твой ответ добавил мне решимости.

«Господи, он и верно сейчас объявит об отречении» – пронеслось в голове у Карлоса Брухо. Он нервно схватил бокал и хотел налить вина, но рукавом пиджака неловко смахнул с соседнего подноса серебристую полусферу, принесённую сеньором Сантьяго. Она описала на полу дугу и прикатилась к носку его туфли. Даже сквозь кожаную поверхность обуви Карлос Брухо почувствовал мелкую вибрацию защитного поля, от которой все мышцы в его теле заныли, как будто через него пропускали слабый электрический ток. Он машинально поднял полусферу и вернул на поднос. Судя по маркировке на ней, метазаряд глобанита в её оболочке был так велик, что мог снести всё на поверхности целого континента. А на подносе лежало десять полусфер.

– Пора очистить этот мир от скверны, – торжественно сказал сеньор Сантьяго.

– Уважать себя заставил, – процедил Хуан Брухо, вода

указательным пальцем по планшету. – И лучше б выдумать не смог.

Он закончил пальцем какую-то последовательность действий и протянул руки в стороны. Сеньор Сантьяго сделал то же самое. Диктатор и его серый кардинал взяли за руки и посмотрели на Карлоса Брухо, ожидая от него аналогичного жеста.

– Папа, – обеспокоенно проговорил Карлос Брухо, чувствуя как его организм покидают последние следы похмелья. – Я не знаю, кого ты собрался бомбить, но они же сразу заметят, что включился прицел транспространственного заброса. И ответят.

– Не переживай, сынок, – сказал диктатор, сжимая его пальцы до хруста. – Мы ничем не рискуем. Прицел ни на кого не направлен. Мы и отсюда всех достанем. Тиран ничтожной банановой республики, говорите? Что ж, отведайте нашей щедрости, сполна, и пусть никто не уйдёт обиженным.

Карлос Брухо хотел было вырваться, но понял, что в этом нет необходимости, потому что в комнате стало так ярко, что льющийся из-за портьер свет жестокого и несправедливого мира снаружи померк.